

БОЛЬШОЕ ДЫХАНИЕ

В гостях у Заслуженного артиста РСФСР М. М. Мунзука

ленького Мунзука окружающей природой!

В семье Монгужука Салчака он был единственным сыном. Как только в мускулах появилась небольшая сила, а глаза осмысленно стали смотреть на окружающий мир, мальчик вместе с родителями начал батрачить у местных феодалов, у русских кулаков, чтобы прокормить себя и девять сестренек, одна из которых была его близнецом. С табунами коней он прошел вдоль и поперек межегейские степи.

Вечное недоедание, болезни сначала подкосили дочерей Монгужука Салчака, затем жену, а в 1929 году умер и он сам. Мунзук получил в наследство от родителей только свои покрытые мозолями руки да любовь к народным песням. Даже дырявой юрты не было у семнадцатилетнего юноши.

Смерть отца заставила задуматься Мунзука над своей дальнейшей жизнью. «Нет, больше не буду гнуть спину на богатея», — решил он и добровольцем вступил в революционную армию Тувинской Народной Республики.

— 1929 год стал в моей жизни переломным, — вспоминает Максим Монгужукович. — Он определил всю мою дальнейшую судьбу. Благодаря моему умению играть на национальных инструментах меня определили в музвзвод кавалерийского полка. Здесь-то я встретился с красным партизаном Семеном Григорьевичем Морозовым. Он тогда капельмейстером был. Я ему многим обязан: Семен Григорьевич музграмоте, игре на духовых инструментах обучил. А главное — привил любовь к народному песенному творчеству. Только тогда я начал серьезно знакомиться с ним, собирать его.

— А с театральным искусством когда вплотную столкнулись?

— Там же, в армии. Правда, это было далеко еще от профессионального искусства. Но в нашем самодеятельном кружке ставились сценки-импровизации на самые злободневные темы. Ух, и доставалось же бабам и ламам! Это были наши заклятые классовые враги... А когда была создана родная письменность, нам куда легче стало. Тогда-то и появились первые пьесы Салчака Тока. Он не только их писал, но и сам участвовал в их постановке — был и актером и режиссером... Годы, проведенные в армии, были для меня временным учебы.

После демобилизации из армии в 1935 году М. М. Мунзук некоторое время работал в редакции газеты «Шын», а затем директором государственной типографии ТНР.

...Максим Монгужукович открыл ящик стола и вытащил две толстые папки, перевязанные тесьмой.

— Наши с женой театральные дела», — пошутил артист.

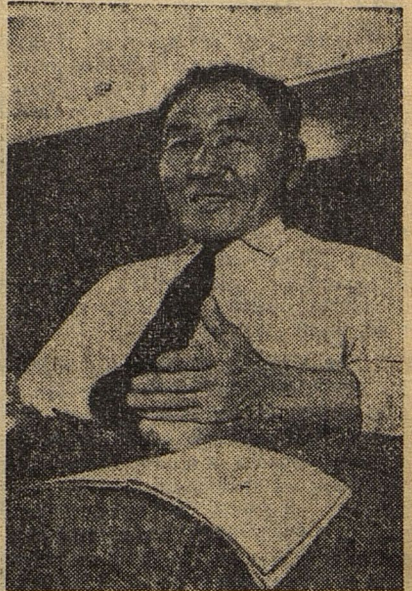
Я стал знакомиться с их содержанием — в них были собраны старые театральные афиши, вырезки из газет с рецензиями на спектакли, в которых играли супруги Мунзук, программы с автографами режиссеров-постановщиков.

— Здесь часть истории нашего театра, — сказал Максим Монгужукович. — За каждой театральной афишей и программой — кропотливый творческий труд, поиски, а порой и неудачи. Двадцать шесть лет — возраст слишком небольшой для нашего театра, если учесть, что мировое театральное искусство имеет многовековую историю. Но для нас каждый год был равен десяти. Посудите сами, в 1936 году в него пришли малограмотные араты, которые только-только научились читать и писать на родном языке. А теперь наши актеры — высокообразованные люди, общественные деятели. Все это случилось благодаря помощи советских специалистов. Они принесли на тувя-

скую сцену высокую культуру, научили нас профессиональному актерскому мастерству. До сих пор я с

благодарностью вспоминаю режиссера Ивана Яковлевича Исполнева.

...Слушая неторопливую речь Максима Монгужуковича, я перелистываю различные документы, которые дополняют его рассказ. Вот копия приказа о его назначении в начале 1936 года заведующим театром-студией при Кызыльском учебном комбинате. Вот перечень его ролей, сыгранных за 26 лет в театре. Их более шестидесяти. Здесь и Елисаветы из «Любови Яровой» Тренева, и Каратаев из «Мятежа» Фурманова, Сарыг-

ашак и Хам-оол из «Хайран-бота» Кок-оола, и Тонгур-оол из «Тонгур-оола» Тока, и Сафонов из «Русских людей» Симонова, и Коршунов из «Бедности не порок», и Тихон Кабанов из «Грозы» Островского, и Осип из «Ревизора» Гоголя... Вот программы спектаклей, которые поставил М. Мунзук. Их более двух десятков: «Мятеж» Фурманова, «Русские люди» Симонова, «Платон Кречет» Корнейчука, «Бедность не порок» Островского, «Лекарь поневоле» Мольера, «Хайран-бот» Кок-оола, «Тонгур-оол» Тока и т. д. Вот сборник песен, в который включено 120 народных мелодий, собранных и отредактированных Мунзуком вместе с женой Кара-кыс. Вот афиша, на которой автором пьесы «Товарищ директор» обозначен Максим Мунзук. А вот вырезка из газеты с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 марта 1961 года о присвоении Максиму Монгужуковичу Мунзуку почетного звания Заслуженного артиста РСФСР.

Многое сделал М. М. Мунзук для становления и развития национального искусства в Туве. Широкий творческий диапазон как актера и режиссера, как собирателя тувинского песенного фольклора и исполнителя, драматурга и музыковеда. А впереди — новые поиски, новые замыслы...

— Максим Монгужукович, пад чем вы сейчас работаете?

— Планов много. Некоторые из них осуществляю. Сейчас заканчиваю героическую драму, условно названную «Последние грозы». Она повествует о гражданской войне в 1921 году в Туве. Главными героями выведены Кочетов и Курседи. Работаю также над воспоминаниями о жизни тувинского народа в 1929—1930 годах. Кроме этого, пишу новые песни. В театре пока еще новый сезон не начался, и репертуарного плана, к сожалению, еще нет. Так что сказать, в каких спектаклях буду участвовать, не могу. Могу лишь сказать о своем желании — хочется поставить «Ревизора» и сыграть в нем Осипа...

Поздним вечером я возвращался от Максима Монгужуковича. Было такое ощущение, словно я прочитал замечательные страницы из очень интересной книги, которая учит добру, дружбе, вере в людей и зовет на борьбу за прекрасное завтра — коммунизм.

В. ЖУРАВЛЕВ.

С Заслуженным артистом РСФСР Максимом Монгужуковичем Мунзуком я знаком несколько лет. Но наши встречи с ним в основном проходили в театре, в редакции газеты, на различных собраниях работников культуры, так сказать, в деловой атмосфере, в официальной обстановке. На этот раз я был гостем Максима Монгужуковича...

Хозяин дома провел меня в одну из комнат и тут же предупредил: — Проходите осторожней...

Это было сказано вовремя — я чуть было не наступил на протянувшуюся длинной змейкой узкоформатную киноленту. Пришлось остановиться и внимательно осмотреться. В комнате царствовал тот творческий беспорядок, который так хорошо знаком кинолюбителям: на большом письменном столе стояла проекционная камера для малоформатных фильмов, вокруг нее в известном только хозяину порядке были разложены куски пленки, различные инструменты, бутылочка с клеем. Убрав с дивана колечки с пленками, Максим Монгужукович предложил мне сесть:

— Монтирую свой документальный фильм, — как бы извиняясь за беспорядок в комнате, пояснил он. — Осталось работы на четверть часа. Если не возражаете, я закончу монтаж, и вы первый просмотрите мою новую ленту.

Я с удовольствием согласился. Склеивая отдельные куски пленки, Максим Монгужукович рассказал о своем увлечении. Весной этого года он приобрел киносъемочную камеру и различные принадлежности к ней. Начал снимать. И был приятно удивлен, что у него получились первые кадры. Теперь киносъемка и монтаж короткометражных фильмов занимают у него все свободное время...

— Ну вот, фильм и готов, — объявил Максим Монгужукович, заряжая ленту в проекционный аппарат. — Присаживайтесь к экрану.

Затрещал аппарат, и на белом квадрате появились черные титры: «Семейная хроника Мунзуков». Последовательно на экране показывались различные моменты из будничной жизни домашнего артиста. Это был своего рода семейный альбом. Но вот стены квартиры словно расступились — появился знакомый пейзаж Кызыла с многоэтажными домами, с новостройками, со стремительным Енисеем...

...По центральной улице города движутся праздничные колонны.

— Это — республиканский фестиваль.

...На стадионе состязаются борцы, тяжелоатлеты.

— Это соревнование народов Сибири.

...Автобус остановился в поселке. Из него выходят знакомые артисты: Кол-оол, Лаптан, Тавакай...

— Это на гастролях в совхозе «Победа».

...Всего около пятнадцати минут длился этот необычный киносекс. Но я будто побывал в длительном интересном путешествии по Туве.

— Пройдет несколько лет, — говорит Мунзук, — и эти кадры вновь воскресят в памяти сегодняшние будни. Мои дети и внуки смогут посмотреть, как трудились мы, как отдыхали.

Артист вдруг задумался. Его жинные глаза подернулись грустью:

— Если бы каким-то образом было снято мое детство, жизнь моих родителей, это были бы трагические кадры...

И Максим Монгужукович неторопливо, словно отбирая главное из нахлынувших воспоминаний, рассказал мне о далеком прошлом...

Издавна славится своей красотой, богатством живописные места в предгорьях Танин-Ола. Народ недаром воспел их в чудесной песне:

Ий мой обрыв стремительный
Словно бежит к Улуг-Хему...
Здесь протекла моя юность.
В милем родном Межегейе.
В час, когда солнце встанет,
Ты посмотри от Чет Дыта —
Изгибы Кужур-Булуна,
Словно уют колыбели.
Как не соответствовала жизнь ма-